

ГУМАНИТАРЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР

DOI: <https://doi.org/10.37788/2020-2/7-12>

УДК 81. 1

А.Р. Бейсембаев, доктор филологических наук, профессор
Инновационный Евразийский университет (г. Павлодар, Республика Казахстан)
E-mail: aman2908@mail.ru

З.З. Сидорович, кандидат филологических наук, доцент
Гродненский государственный университет им. Янки Купала (г. Гродно, Республика Беларусь)
E-mail: Sidorovich_ZZ@grsu.by

Функционально-семантическая роль метатекстовых единиц в летописном произведении

Аннотация. Статья посвящена одному из неразработанных вопросов синтаксиса русского языка – функционированию эгоцентрических элементов в памятниках древнерусской письменности XI-XIV вв., особенно в летописном жанре. Именно диахроническое исследование поможет определить природу, функционально-семантические особенности эгоцентрических единиц в современном русском языке.

В статье рассматриваются основные признаки метатекстовых единиц, которые, по мнению авторов, проясняют «семантический узор» основного текста, соединяют, усиливают и скрепляют различные его элементы, также манифестируется их роль как своеобразных экспликаторов позиции говорящего в древнерусских летописных текстах.

Наличие метатекстовых единиц в летописном тексте подтверждает научное положение о присутствии авторского начала в произведениях древнерусской литературы, позволяющее выявить авторское отношение к языковому коду своего высказывания (речевого произведения). В целом, метатекстуальная интерпретация направлена на то, чтобы упростить понимание объекта, найти новую элементную базу его описания.

Ключевые слова: метатекст, метаязыковые глаголы, метатекстовые знаки, метаорганизаторы.

Введение. Учет «человеческого фактора» в языкознании предопределен антропоцентрической парадигмой, утверждающей следующее положение: для того, чтобы понять и познать язык, нужно обратиться к его носителю – человеку, говорящей и мыслящей личности. Именно поэтому важным признается необходимость изучения языковых явлений в тесной связи с человеком, его мышлением, духовно-практической деятельностью.

Естественный язык пронизан ссылками на сам акт речевого общения, которые Рассел Б. назвал эгоцентрическими [1], поскольку они ориентированы на *ego*, т.е. на говорящего, который присутствует эксплицитно или имплицитно в каждом коммуникативном акте. Одними из маркеров присутствия автора в древнерусских летописях являются метатекстовые единицы, к которым относятся вводные слова и обороты с семантическим элементом 'говорить' [2, 409], которые не претерпевают никаких существенных изменений в своей семантике, переходя из языковой системы в текст – значение таких слов в любом тексте легко устанавливается по толковому словарю.

Термин «метаязыковые глаголы», т.е. названия процессов порождения и восприятия речи, включает названия всех видов речевой деятельности:

- элементарные и первичные (*говорить, слушать, присягать, ворожить, спорить, читать, лгать...*);
- составные и вторичные (*пересказывать, переводить, полемизировать, комментировать...*);
- названия сложных действий, в составе которых речевой компонент является только одним из слагаемых (*иронизировать, качать права, выцыганить*) [3, 363].

Круг метатекстовых единиц Лукин В.А. расширил за счет отнесения к ним вводных слов и выражений: «*во-первых, во-вторых, иными словами, подчеркнем, отметим, повторяю; замечу, что; смысл сказанного в том, что; речь идет о; нельзя не согласиться с тем, что...*» [4, С. 62]. Поскольку толкование метатекстовых выражений включает глагол 'говорить', то они по своей семантике предполагают говорящий субъект, который в традиционном нарративе выступает в роли повествователя.

В метаязыковых глаголах (т.е. глаголах, обозначающих процессы порождения и восприятия речи) аккумулярован древнейший опыт рефлексии человека над языком [3, С. 364]. Рассмотрим метаязыковую функцию глаголов *рѣчи, глаголати, писати, наречи* и др. в древнерусских предложениях.

Различного рода комментарии к уже сказанному содержатся в других метатекстовых единицах в следующем отрывке: *Онъ же рече: «То кази суть бози ваши, где живутъ?»*. Онъ же рече: «Бози наши

живутъ въ безднахъ. Суть же образомъ черни, крилати, хвостъ имущи; всходятъ же и подь небо, слушающе вашихъ боговъ. Ваши бози на небесѣ суть. Аще кто умреть от вашихъ людей, то возносимъ есть на небо, аще ли от нашихъ умираеть, но носимъ есть к нашимъ богомъ въ бездну». **Якоже и есть**; *грьшници бо въ адъ сут, ждуще муки вѣчныя, а праведници въ небеснѣмъ жилищѣ водворяются со ангелы. Сица ти есть бѣсовская сила, и лѣпота, и немощь* [ПВЛ, С. 89].

Летописец сначала приводит разговор кудесника, умеющего призывать бесов, и некоего новгородца-христианина, в завершение его автор выражает свою позицию (якоже и есть – так ведь и есть), соглашаясь со сказанным выше. Для него все неверные, не-христиане – грешники в аду пребывают, ожидая муки вечной, а праведники в небесном жилище водворяются с ангелами. И далее он резюмирует: Сица ти есть бѣсовская сила, и лѣпота и немощь. – Такова-то бесовская сила, и обличие их, и слабость. Присутствие повествователя выдает метатекстовое **якоже и есть** и последняя фраза.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили оригинальные памятники древнерусской письменности XI-XIV вв. летописного жанра:

- Повесть временных лет (ПВЛ);
- Моление Даниила Заточника (МДЗ);
- Киево-Печерский патерик (КПП);
- Сказание о Борисе и Глебе (СоБГ);
- Синодальный список (СС);
- Новгородская летопись (НЛ);
- Житие Феодосия Печерского (ЖФП).

В памятниках летописного жанра отсутствовало выраженное авторство, обусловившее своеобразие функционирования в нем эгоцентрических единиц, в том числе и метатекстовых единиц. К тому же их особенности предопределены и тем, что летописный текст представлял собой неполноценную коммуникативную ситуацию: с точки зрения читателя он характеризуется отделенностью высказывания от говорящего; с точки зрения автора – отсутствием синхронного адресата.

Для анализа выявленных в летописном тексте метатекстовых единиц использовались структурно-семантический анализ предложений, этимологический и трансформационный анализ, прием контекстуального анализа семантики слов и предложений.

Результаты. Метатекстовые знаки подобного рода необходимы для любого текста. Они служат для переключения внимания получателя на наиболее существенные с точки зрения автора фрагменты текста, помогают ориентироваться в пространстве текста, активизируя анафорические связи, в конечном счете, они – «метаорганизаторы» текста (Вежбицка А.) [2].

Метатекстовые глаголы по семантике и функциям в тексте делятся на следующие группы:

1) Глаголы, обозначающие начало повествования: *Се начнемъ повѣсть сию* [ПВЛ, С. 24]; *Яко и се скажемъ о взорѣ ихъ (бесов) и о омраченъи ихъ* [ПВЛ, С. 89].

2) Глаголы, обозначающие порядок мыслей при изложении: **Но мы на** подлежащее **възвратимся и скажемъ**, что ся удеало в лета си, **якоже** преже **почали бяхомъ** первое лето **Михаила, и по ряду положимъ** числа. [ПВЛ, с. 31]; **Но мы на** предняя **възвратимся**, якоже бяхом преже глаголали [ПВЛ, 106] – *Но мы к предыдущему возвратимся*, – о чем ранее говорили; *Володимерь бо такъ бѣше любезнивь... Но мы на свое възвратимся* [ПВЛ, с. 112] – Владимир был полон любви... Но вернемся к своему повествованию; *...на томъ холмѣ нынѣ церкви стоить, святаго Василия есть, якоже послѣди скажемъ. Мы же на преднее възвратимся* [ПВЛ, С. 54].

3) Глаголы, выражающие попутные замечания автора к уже сказанному: *о семь бо увѣдахомъ, яко при семь цари приходиша Русь Царьгородъ, якоже пишется в лѣтописанъи гречѣстѣмъ* [ПВЛ, С. 30].

4) Глаголы, обозначающие различные способы оформления мысли в речи: *Бѣси бо подѣтокъи на зло вводятъ; посем же насмисаютъ, ввергше и в пропасть смертную, научивше глаголати, якоже же скажемъ* бѣсовское науценье и дѣйство [ПВЛ, с. 87]; *Поляномъ же живущемъ особѣ, якоже рекохомъ, сущимъ от рода словѣньска, и нарекошася поляне* [ПВЛ, с. 28]; *Ярославъ же, якоже рекохом, любимъ бѣ книгамъ, и многы написавъ положи в святѣй Софѣи церкви, юже созда самъ* [ПВЛ, с. 80].

5) Глаголы, обозначающие различные модусные характеристики речевого действия: *Се же хоцю сказати, яже слышах преже сих 4 лѣт, яже сказа ми Гьрятоговичъ новгородецъ, глаголя сице* [ПВЛ, С. 106] – Теперь же хочу поведать, о чем слышал 4 года назад и что рассказал мне Гюрята Рогович новгородец; *Се же хоцю сказати, яже слышах преже сих 4 лѣт...* [ПВЛ, С. 106].

6) Глаголы, обозначающие ссылки на источник речи: *Ини же, не всѣдуце, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бѣше перевозъ тогда с оной стороны Днѣпра; тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Киевѣ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду* [ПВЛ, С. 27]; *Словѣньску же языку, якоже рекохомъ, живуцю на Дунаи, придоша от скуфь, рекше от козарь, рекомии болгаре, и сѣдоша по Дунаеви, и населници словѣномъ быша* [ПВЛ, с. 28]; *Иде Олегъ на Греки. Игоря оставив Киевѣ, поя же множество варяг, и словенъ, ..., и тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться от грекъ Великая скуфь* [ПВЛ, С. 35].

Важно подчеркнуть, что метаорганизаторы, указывая на сильные позиции текста, сами по себе подобных позиций не образуют. Причина этого в том, что они а) по преимуществу выполняют функцию

связности, б) не связаны семантически со всем пространством текста и в) не являются знаками, способными к представлению содержания текста или значительной его части в сжатом виде [3, с. 63].

В неопределенно-личных предложениях, представляющих собой одну из ярких особенностей синтаксического строя восточнославянских языков, ситуация неопределенной личности представлена наиболее выразительно и разнообразно. Обратимся к некоторым типам этих древнерусских неопределенно-личных предложений с метаязыковыми глаголами, в семантике которых обнаруживается субъект речи.

Предложения, в которых говорящий (пишущий), приводя какую-либо сентенцию, ссылается на ее источник (Писание, мирские притчи, пророческие книги): *Глаголетъ бо в мирских притчах: рѣчь продолжена не добро, добро продолжена наволока* [МДЗ, С. 419]; *Глаголетъ бо въ Писании: просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да не лишишь будещи царствия небеснаго...* [МДЗ, С. 414]; ... *зане пишеться:»Господь гърдыимъ противиться, съмбренымъ же даеть благодать»* [СоБГ, С. 40]; ... *и се въ книгах речено бысть: «Проклят всякъ, висий на древь»* [КПП, С. 439].

Для автора повествования нет необходимости конкретно называть лицо автора приводимого высказывания. Важным для него оказывается сообщить эту необходимую для подтверждения своих рассуждений сентенцию и указать на ее источник, чем освятить, придать весомость своему повествованию ибо это слова из Священного писания.

Иногда автор изречения называется, например: *О такихъ бо пророкъ рече: «Не сътвори блжнему своему зла и не рой, не копай врагу своему ямы»* [ПВЛ, С. 217].

Приведенные предложения с глаголами *рѣщи*, *глаголати* отличаются от неопределенно-личных предложений с этими же глаголами, в которых обнаруживаются только говорящий и слушающий (т.е. широко распространенная в теории информации и в лингвистике схема «отправитель - получатель сообщения»). В анализируемых же предложениях присутствуют автор повествования, подлинный автор, источник сообщения, источник информации и в некоторых случаях – слушающий [5, 210].

Интересны предложения, в которых говорящий, делая свое сообщение, опирается на информацию, полученную от других лиц, например: *Глаголют же о нем и се, яко вся лѣта чернечьства его не видѣ николи же никто празда ...* [КПП, с. 444]; *А ДньВпръ вѣтечетъ въ Понтьское море трѣми жерелы, еже море словеть Русьское, по немуже училъ святыи Андрѣи, братъ Петровъ, якоже рѣшиа* [ПВЛ, С. 7].

Употребление формы множественного числа имеет целью указать на неопределенность лица – автора информации, а также на то, что говорящий ссылается на мнение множества лиц: *И о възкръсении его рекоша. Давидъ рече: «Встани, Боже, суди земли, яко ты наслѣдиши въ вѣсѣхъ странахъ». И пакы: «Вѣста, яко съна, Господь»* [ПВЛ, С. 126]. Сравним синонимичные предложения с подлежащим – неопределенным местоимением: ... *инии же мнози глаголаху, яко, полупивъ святую Софию, пошьль Цесарюграду...* [СС, С. 29]; *Богъ же вѣсть, како скончался: много бо глаголють о нем инии* [СС, с. 76]; *Ини же, не съвѣдуеще, рѣша, яко Кыи есть перевозникъ быль...* [ПВЛ, С. 9].

Поскольку в приведенных предложениях автор повествования сообщает о событиях не от своего имени, а от лица других, то он не принимает на себя «эпистемического обязательства» [10, С. 303]: произошло это, очевидно, так, но люди говорят, что это было так. В следующих предложениях это проявляется особенно отчетливо: *А у святой Богородици в Торгу попь сгорѣ; а инии глаголют, убиша и над товаромъ...* [НЛ, С. 352]; *Се же не съвѣдуеще право, глаголють, яко кръстилъся есть Киевѣ, инии же рѣша: Василевѣ, друзии же инако съкажюще* [ПВЛ, С. 141].

Если в этой группе неопределенно-личных предложений автор при изложении событий ссылается на источник информации чаще в виде формул *якоже речеся*, *якоже пишеться*, *якоже рѣша*, то в следующих предложениях говорящий, цитируя слова другого лица, указывает на это, например: *Блажени бо, – рече, – есте, егда укорять вы, егда рекуть всякъ зль глаголь на вы, лѣжуще мне ради* [ЖФП, с. 252]; *«Или мнит себѣ, рече, сиа игумень и сии икононь, яко zde точию богу угодити и инде же невѣзможно спастися?»* [КПП, с. 434]; *Она же не хотяше ити: яко ... въ поганья, рече, не иду...* [ПВЛ, с. 139]. Конструкция с *рече*, включенная в прямую речь, представляет собой определенно-личное предложение, поскольку его субъектом является автор приведенного сообщения, уже представленный слушателю.

Всезнающий, объективный «автор» летописи не может позволять себе никаких прямых комментариев, диалогической позиция повествователя по отношению к персонажам. Приводя диалоги в виде прямой речи, автор дает их протокольную запись. Однако иногда он переходит на косвенную речь, выступая в качестве третьего лица – «передатчика» информации. Например: *Рече же имъ Ольга, яко «азъ мѣстила есмь уже обиду мужа своего, къгда вы придоша Киеву първое и вѣторое, третиее же, къгда творихъ тризну мужеви своему...* [ПВЛ, с. 67] – Сказала же им Ольга, что-де «я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву, и во второй раз, а в третий – когда устроила тризну по своем муже.

Си же Ольга приде Киеву, и присла к ней царь гречьский, глаголя, яко «Много дарихъ тя. Ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще възвращюся възвращюся в Русь, много дары прислю ти...» [ПВЛ, с. 45] – Эта же Ольга пришла в Киев, и прислал к ней греческий царь послон со словами: «Много даров я дал тебе...».

В.А. Лукин к метатекстовым относит части текста, не соотносимые с языковыми единицами и выполняющие метатекстовую функцию относительно того текста, в котором они находятся (последний поэтому может называться «материнским», или «обрамляющим» текстом) [4, С. 62].

В отличие от метатекстовых организаторов метатекст в тексте – это такая часть текста, которая обладает свойствами связности и цельности (то есть в пределе – вполне самостоятельный, семантически автономный текст), референтом которого является обрамляющий текст. Метатекст в таком его понимании обладает способностью к сообщению информации о связности и цельности обрамляющего текста, в котором он существует на правах сильной позиции.

Описывая деяния Ярослава Мудрого, его любовь к церкви, книгам, летописец вводит «лирическое отступление», в заключение которого обращается к читателям, православным христианам с напутствием: *Аще бо поищеша въ книгахъ мудрости прильбно, то обряцеша велику ползу души своей. Иже бо книги часто чтеть, то бесѣдуетъ с Богомъ или святыми мужи. Почитая пророческыя бесѣды, и еуангельская учения и апостольская, и житѣя святыхъ отецъ, въсприемлетъ души велику ползу* [ПВЛ, С. 79-80].

Рассказ о деяниях Ярослава Мудрого представляет собой обрамляющий текст (текст-объект, материнский текст), приведенный отрывок, наиболее четко проявляющий позицию автора, является метатекстовым [3, С. 63]. Отношения между обрамляющим текстом и метатекстом не являются однонаправленными. Как метатекст сообщает информацию о тексте-объекте, так и обрамляющий текст тем или иным образом может характеризовать свой метатекст.

Обсуждение. Метатекст в тексте предназначен, прежде всего, для характеристики материнского текста. Их взаимоотношения с этой точки зрения подобны субъектно-предикатным, для которых естественен порядок следования предиката (метатекста) за субъектом (текстом). Проще говоря, для того, чтобы нечто охарактеризовать, описать или обозначить, нужно прежде иметь (видеть, слышать или знать) объект характеристики, описания или обозначения (в последнем случае это – референт). Из этого следует, что указательная функция метатекста сводится в основном к отсылке «назад», то есть к анафоре.

Ведя повествование о прошедших событиях, автор иногда поясняет свои высказывания, раскрывает причины совершения изображаемых им действия. Например: *Въ лѣто 6387. Умершу Рюрикови, предасть княжене свое Олгови, от рода ему суица, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми* [ПВЛ, С. 28] – Умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу – родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо тот был еще очень мал. Присутствие повествователя выдают метатекстовые выражения *от рода ему суица* (передал именно ему, потому что он был его родственник), *бѣ бо дѣтескъ вельми* (он был еще очень мал, поэтому не мог княжить). *Падучева Е.В. введенные в текст обобщения называет обобщающими «врезками» [6, С. 282], которые высвечивают фигуру повествователя, ибо текст с обобщениями не может «рассказывать сам себя».* Например: *Се есть совѣтъ золь, иже свѣщаютъ на кровопролитѣе; то суть неистови, иже приемше от князя или от господина своего честь ли дары, ти мыслятъ о главѣ князя своего на погубленѣ, горыше суть бѣсовъ такови* [ПВЛ, С. 53]; – *Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие; безумцы те, кто, приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить жизнь своего князя, хуже они бесов.*

Володимѣрь же залеже жену братню грекиню, и бѣ непрадна, от нея же родися Святополкъ. От грѣховнаго бо корени золь плодъ бываетъ: понеже бѣ была мати его черницею, а второе, Володимѣрь залеже ю не по браку, прелюбодѣчичь бысть убо [ПВЛ, С. 54] – *Владимир же стал жить с женою своего брата – гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей.*

Заключение. Для антропоцентрических исследований характерно обращение к человеку, говорящей и мыслящей личности, а также изучение языковых явлений в тесной связи с человеком, его мышлением, духовно-практической деятельностью, специфики проявления в них объективного и субъективного содержания, т.е. способов выражения говорящего в языке. Языковые единицы, ориентированные на *ego* – на говорящего, содержат прежде всего указание на самый акт речевого общения.

Летописный текст – это всегда определенный угол зрения, мировоззренческая реакция автора на какие-нибудь события. Следовательно, всякое высказывание можно рассматривать как выражение определенной позиции говорящего по отношению к другим лицам, т.е. как естественную речевую эгоцентричность. Позиция, таким образом, формирует функцию. Начало текста, как и начало предложения, обычно отводится субъекту (теме), а не предикату (реме). В то же время, если переместить подобное начало в середину, еще лучше – в конец текста, то появятся аргументы к тому, чтобы считать этот же фрагмент текста характеризующим (метатекстом), а предшествующий текст – его обозначаемым (текстом-объектом vs. референтом метатекста). Однако все подобные перестановки в художественном тексте с теоретической точки зрения небезупречны, гораздо большей доказательной силой обладают примеры текстов без изменений, совершенных получателем.

Таким образом, в летописном тексте, представляющем собой неканоническую речевую ситуацию, где нет полноценного говорящего, автор обнаруживает себя в таких эгоцентрических единицах, одними из которых являются метатекстовые единицы. Эти единицы символизируют то, что в

отдельном высказывании и в целом тексте обязательно обнаруживается лицо-источник, от которого исходит сообщение и которое является субъектом речи или субъектом оценок.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Рассел Б. Человеческое познание: Его границы и сфера. - Киев: Ника-Центр, 2001. – 560 с.
- 2 Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика в тексте. – М., 1978. С. 402-421.
- 3 Мечковская Н.Б. Метатекстовые глаголы в исторической перспективе: образы речи в наивной картине языка // Язык о языке. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2000. – С. 363-380.
- 4 Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. – М.: Изд-во «Ось-89», 1999. – 192 с.
- 5 Лекомцева М.И. Семантика личных и указательных местоимений в старославянском языке // Категория определенности-неопределенности в славянских языках. – М.: Наука, 1979. – С.204-230.
- 6 Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М., 1996. – 464 с.

REFERENCES

- 1 Rassel, B. (2001). Chelovecheskoe poznanie: Ego granitsi i sfera [Human Cognition: Its Borders and Sphere]. Kiev: Nika-Centrum [in Russian].
- 2 Vezhbizka, A. (1978). Metatekst v tekste [Metatext in text]. Novoe v zarubezhnoy linrvistike – New in foreign linguistics, 8, 402-421. [in Russian].
- 3 Mechkovskaya, N.B. (2000). Metatekstovye glaroli v istoricheskoy perspektive: obrazy rechi v naivnoi kartine zyazyka [Historical metatext verbs: images of speech in a naive picture of a language]. Yazyk o yazyke – Language about language, 363-380 [in Russian].
- 4 Lukin, V.A. (1999). Khudozhestvennii tekst: Osnovi linrvisticheskoi teorii i elementy analiza. [Fiction: Fundamentals of Linguistic Theory and Elements of Analysis]. Moscow: House «OS-89» [in Russian].
- 5 Lekomzeva, M.I. (1979). Semantika lichshnix i ukazatelnykh mestoimenii v staroslavianskom yazyke [Semantics of personal and demonstrative pronouns in the Old Slavonic language]. Kateroriia opredelenosti-neopredelenosti v slavianskikh yazykakh – The category of definiteness and indefiniteness in Slavic languages, 204-230 [in Russian].
- 6 Paducheva, E.V. (1996). Semanticheskie isledovaniia (Semantika vremeni i vida v russkom yazike; Semantika narrativa). [Semantic research (Semantics of time and type in Russian; Semantics of narrative)]. Moscow [in Russian].

*А.Р. Бейсембаев, филология ғылымдарының докторы, профессор
Инновациялық Еуразия университеті (Павлодар қ., Қазақстан Республикасы)
E-mail: atan2908@mail.ru*

*З.З. Сидорович, филология ғылымдарының кандидаты, доцент
Янко Купала атындағы Гродно мемлекеттік университеті (Гродно қ., Беларусь Республикасы)
E-mail: Sidorovich_ZZ@grsu.by*

Шежірелердегі метамәтін бірліктерінің функционалды-семантикалық ролі

Мақала орыс тілі синтаксисі қарастырмаған мәселелерге, оның ішінде, XI-XIV ғ.ғ. ежелгі орыс жылнамасының ескерткіштеріндегі эгоцентрилік элементтердің қызметіне арналған. Диахроникалық зерттеу қазіргі орыс тілінде эгоцентрикалық бірліктердің табиғатын, функционалды-семантикалық ерекшеліктерін анықтауға көмектеседі.

Мақалада негізгі мәтіннің «семантикалық өрнегін» түсіндіретін, оның әр түрлі элементтерін біріктіретін, күшейтетін және бекітетін метатекстік бірліктердің негізгі белгілері қарастырылады, сондай-ақ олардың ежелгі орыс шежірелік мәтіндердегі сөйлеуші позицияның өзіндік экспликаторы ретіндегі ролі білінеді.

Жылнамалық мәтінде метатекстілік бірліктердің болуы - көне орыс әдебиеті шығармаларындағы авторлық бастаудың қатысуы туралы ғылыми ережені растайды, яғни өз пікірінің (тілдік шығармасының) тілдік кодына авторлық қатынасты анықтауға мүмкіндік береді. Жалпы, метатекстуалды интерпретация объектінің түсінігін жеңілдетуге, оны сипаттаудың жаңа элементтік базасын табуға бағытталған.

***Түйін сөздер:** метатекст, метатілдік етістіктер, метатекстік белгілер, метафайымдастырушы сөздер.*

A.R. Beisembayev, doctor of Philological Sciences, Professor
Innovative Eurasian University (Pavlodar, Kazakhstan Republic)
E-mail: aman2908@mail.ru

Z.Z. Sidorovich, candidate of Philological Sciences, associate Professor
Yanka Kupala state University of Grodno (Grodno, Belarus Republic)
E-mail: Sidorovich_ZZ@grsu.by

Functional and semantic role of metatext units in the annals

The article is devoted to one of the unproved questions of the syntax of the Russian language – the functioning of egocentric elements in the monuments of ancient Russian writing of the XI-XIV centuries, in the chronicle genre in particular. It is the diachronic research that will help shed light on the nature, functional and semantic features of egocentric units in modern Russia.

The article considers the main features of metatextual units, which, in the author's opinion, clarify the «semantic pattern» of the main text, connect, strengthen and fasten its various elements, and also manifests their role as a kind of explicators of the speaker's position in Old Russian chronicle texts.

The presence of metatextual units in the chronicle text confirms the scientific position about the presence of the author's beginning in the works of Old Russian literature, which allows us to identify the author's attitude to the language code of his utterance (speech work). In general, metatextual interpretation is aimed at simplifying the understanding of an object and finding a new element base for its description.

Keywords: *metatext, meta-language verbs, metatext signs, meta-organizers.*